

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАБАУЖДЕНИЕ

ЛЕКЦИИ ПО ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТИПОЛОГИИ

ТОМ II

Сергей Михайлович Скорик

Последнее заблуждение.

Лекции по эволюционной

типологии. Том II

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38580059

*Последнее заблуждение. Лекции по эволюционной типологии. Том II. / Скорик С.М.: У Никитских ворот; Москва; 2018
ISBN 978-5-00095-604-5*

Аннотация

В книге разработан и изложен предмет, названный Эволюционной Типологией, который представляет из себя фундаментальную ревизию «Психологических типов» Юнга и значительно более глубокую, всестороннюю и целостную их интеграцию с культурой и философией, включая ключевые достижения философии XX века. Человек, как на известном рисунке Леонардо, «вписан в круг» истории, культуры, религии, — в круг сущего, что позволяет достичь целостного взгляда, сопоставив движение мира с движением человеческой психики. Идеи Юнга таким образом доводятся до их логической завершенности, откуда возникают уже новые задачи. Однако построенная модель существенно расходится с так называемой соционической, также базирующейся на юнгианстве. Важной

составляющей Эволюционной Типологии является добавленное к модели Юнга вертикальное измерение, описывающее наряду с горизонтальной классификацией процессы эволюции. Именно эти процессы связаны с понятием Шанса, то есть некоторой потенциальной Возможности человека как открытого вида.

Содержание

Предисловие ко второму тому	5
Позиции	15
I. Essentia и Existentia	19
II. Понятие Темперамента	40
III. Типология и юнгианство: второй перекресток	45
Психоаналитические квадры (психотипы)	52
I. Особи	61
II. Персоны	68
III. Существа	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Сергей Скорик

Последнее заблуждение.

Лекции по эволюционной типологии. Том II

Для спасения человеческого существа ни психология, взятая сама по себе, ни психотерапия ничего не могут; мораль как голое учение и требование ничего не может, если прежде человек не достигает иного основного отношения к бытию, если человек сам по себе, насколько это может от него зависеть, не решается на то, чтобы вообще когда бы то ни было держать свое существо открытым для сущностных отношений к бытию...
Мартин Хайдеггер

Предисловие ко второму тому

Второй том продолжает изложение типологической системы, предложенной Виктором Михайловичем Антончиком. Путь исследования, исходя из заданных в первой главе первого тома вопросов и предпосылок, пройден во втором томе до логической завершенности. И в то же время будет справедливым утверждать, что второй том является свое-

образным поворотным пунктом, переходным этапом между «культурологическим» подходом первого тома и свободной от культурологии «человеческой анатомией» – предметом текущих и будущих исследований.

Итогом первого тома можно считать знакомство с понятием Архетипа и описание четырех Архетипических структур, образующих психический и культурологический ландшафт в целом. Все наши усилия были направлены на создание и прорисовывание «архетипической», или «культурологической» карты местности («ментальной» карты). Четыре элементарные краски, унаследованные от Юнга и традиционно называемые функциями психики, в результате смешивания по принципам сочетаемости дали на выходе четыре новых оттенка. Наша инициатива состояла в том, чтобы в конце концов перейти к новой палитре – некоторому предельному «цвету индиго» как новому содержательному базису, описывающему весь окружающий нас человеческий социум, и научиться различать новые предельные цвета: увидеть мир по-новому.

Мы насколько могли подробно обрисовали в первом томе четыре архетипических содержания, четыре государства со своими внутренними принципами устройства и законами – четыре территории, где порождаются вообще *содержания* как таковые и моделируются «костюмы» – создаются Большие Стили. Типология тем самым исторически начала свой путь с того, что оторвала содержания от их носителя – че-

ловека – и отдала их на изучение Культурологии. Она как бы сняла с человека одежду и поместила ее в репозиторий на попечение «министерства Культуры»... Собственно, тема архетипических квадр, с которой начались все наши исследования, – это и есть «комната с костюмами», «реквизитка», тогда как наша задача состояла в том, чтобы ее упорядочить, найти некоторую фундаментальную систему, способную описать все костюмы.

Такое освобождение содержаний от носителя, как выяснилось в дальнейшем, вполне оправданно. Изучая природу содержаний, Типология (как и до нее философия) пришла к выводу – все сексуальные и архетипические конфигурации могут в принципе существовать независимо, как культурные парадигмы, мемы. Этот факт обуславливает наличие в нашей жизни театра, кино (где подготовленный актер может сыграть любую роль, изобразить для нас любой тип) и вообще всего искусства... Психоанализа... И феномена «вранья» как такового, то есть того обстоятельства, что человек, имея свою конфигурацию, может вместе с тем пародировать – нести на себе чужую... Признавая некоторую свободу относительно содержаний, мы тем самым неминуемо актуализируем вопрос о своей аутентичной конфигурации: что такое, собственно, тип человека и какое значение имеет для него вся эта «разборка» и наведение порядка в «костюмерной»?

Во втором томе мы постараемся ответить на этот во-

прос. Оставаясь верными исторически сложившейся композиции, мы пройдем путь последовательной детализации до конца, выделив шестнадцать базисных содержаний (или, если учесть еще фактор женской и мужской составляющих, содержаний окажется тридцать два). Это и есть вся театральная костюмерная – шестнадцать костюмов, которые, в принципе, может на выбор надеть любой человек. Последнее обстоятельство, как легко заметить, способно порождать смуту и путаницу, если тип человека определен некоторыми наборами содержаний и типирование проводится исключительно по костюмам. Чтобы избежать неточностей и ошибок, необходимо совершить некоторый радикальный поворот в исследовании и обратить наше внимание на сам носитель – человека, который архетипические костюмы на себя надевает. Иначе говоря, требуется перенести понятие *шипа* как такового с костюма (содержания) на носитель.

Как следствие этого поворота, объект исследования в Типологии расслаивается на два события – носитель (сам человек) и содержание (то, что человек на себе несет и с чем он себя ассоциирует). Эволютивная составляющая («уровень развития») при этом есть не что иное, как степень соотношения или соответствия между собой носителя и содержания (между этими двумя величинами изначально есть некоторый зазор, как в случае перчатки – содержания, – не полностью натянутой на руку – носитель). Расслоение на два события проецируется непосредственно на два тома Типоло-

гии – первый том, описывающий содержания, носит вспомогательный, или культурологический характер, тогда как материал второго тома уже имеет непосредственное отношение к практике типирования. Дело в том, что попытка типировать людей исходя из содержаний (функций) оказалась несостоятельной, поэтому вся практика типирования была выстроена нами целиком на описании признаков носителей, данном во втором томе. Однако Архетипы не покинули сцену совсем, они, превратившись с точки зрения носителя из «причин» в «следствия», просто отошли на второй план...

Типология как система типирования костюмов (Типология как Культурология) осталась творческой, художественной составляющей предмета. Каждому желающему Типология предоставляет возможность насладиться этой игрой в «историю культуры», причем, что очень важно, именно в актуальном настоящем... И более того, еще и примерить эти костюмы, и при этом убедиться, что только некоторые из них, по какой-то странной причине, нам вдруг окажутся не по размеру... Но, как, собственно, и во всех других дисциплинах, есть еще академическая составляющая. Например, в изобразительном искусстве или музыке, которая требует какого-то совсем не вдохновляющего усилия – изучения нотной грамоты, оттачивания мастерства... В Типологии эта академическая составляющая представлена во втором томе – она исследует то, что действительно является в самом человеке неизменным... Его скелетом и анатомией... Является

именно тем, что и актуализирует вопрос, поставленный изначально, – какой костюм нужно носить, чтобы... Кого нужно копировать, чтобы... И если творческие сливки в первом томе уже сняты, то теперь – самое время заняться академизмом...

При этом, несмотря на культурологическую направленность, все же было бы несправедливым полностью отказать исследованиям первого тома в анатомичности. Разбирая в первом томе психику на составные части, мы предложили вполне анатомическое описание частей, деталей, узлов, составляющих механику человеческой психики. Представленный набор комплектующих можно в принципе считать исчерпывающим, но тем не менее на таком уровне препарирования действительности еще нет самого человека как носителя. В самом деле, никакое классифицирующее «раскладывание (содержаний) по полочкам» и присвоение инвентарных ярлыков не способно претендовать на полноценное описание живых людей. Такое навязывание конвенций и соотнесение человека с меткой страдает произволом (зачастую ошибочных) назначений и неминуемо заводит в тупик бессмысленности – за определением типа должен последовать вопрос: «А что дальше?» Ведь акт назначения какого-то типа не имеет действительной силы – он не может ни изменить, ни перевернуть жизнь человека, не может никак затронуть сам носитель. Более того, он вообще промахивается мимо самой жизни как таковой, оставаясь просто курьезным фактом.

Вопрос «что дальше?» (второй из главных вопросов, которому посвящены «эволюционные» главы этого тома) одновременно обанкрочивает акт вписывания в заранее определенный набор свойств (присвоения содержаний) и указывает на существование продолжения «дальше», в область реализации человеческих Возможностей. Ведь человек, как было заявлено в самом начале первого тома, есть открытый вид. Это значит, что перед нами изначально открыт некоторый веер Возможностей, встроенных в тип. Следуя нашему замыслу, мы намерены превзойти во втором томе «статическое» понимание типа как набора некоторых свойств и осознать тип как упаковку для определенного комплекта Возможностей. Тип, каким он нам видится в эволютивном ракурсе, – это своего рода «метод взлома», «инопланетная сущность», которая внедряется в универсум социальных заблуждений человека, чтобы использовать его во имя эволюции. Пока мы проходим сквозь слой социальных заблуждений, тип, обуславливая нас механикой своих типологических законов, как поводырь, выводит за пределы влияния «коллективного сознания» социума и за пределы психической обусловленности, давая нам Шанс и обеспечивая Возможностью выхода за границы Типологии.

Чтобы появилась перспектива «дальше» – открылось измерение для фактической реализации Возможностей, – необходимо к описанию фундаментальных территорий (архетипических царств или миров, где происходит проектиро-

вание психических прототипов – «механических кукол» – «костюмов») добавить еще нечто совершенно иное всем их краскам и содержаниям, – назовем это условно процессуальностью, или динамикой, или просто ветром. Должен подуть откуда-то ветер (остававшийся до сих пор незамеченным и никак не проявленным в нашем описании), чтобы подготовленные ранее смысловые големы ожили и вся конструкция пришла в движение.

Прибегая к языку философии, нетрудно увидеть, что природа этого ветра есть не что иное, как само бытие. Цель Типологии, таким образом, – не в классификации и распределении сущего, но в исследовании бытия. Тип – это не (пожизненный) приговор, а «выход к бытию», указание на скрытую дверь. И то, чем мы предлагаем далее заниматься, похоже скорее на поиск собственного Шанса, который совершается, как это ни парадоксально звучит, через Заблуждение – описание тех феноменов, которые ошибочно принимаются за нечто «высшее». Мы хотели бы вырваться за рамки Типологии, не отказываясь от Типологии и не отбрасывая выскомерно сам факт наличия типа (в силу полагания своей ложной уникальности или веры в свою изначальную «свободу выбора»), но пройдя сквозь Типологию – в полную само-осознанность.

Для осуществления этого замысла мы проделали предварительно всю рутинную работу по описанию устройства психики и механизмов ее функционирования. Весь первый том

был фактически посвящен описанию психики как наличного сущего, как комплекта каких-то содержаний, и, как нам кажется, механика архетипизации исчерпывается первым томом как своего рода завершенным изделием. Если что-то еще может быть добавлено в принципе к материалу первого тома, то это будет представлять из себя детализацию, уточнение и расширение темы, ее обрастание какими-то частными случаями, нюансами и подробностями. Сама конструкция Архетипов – карта архетипических миров – жестко зафиксирована в первом томе как фундамент и вряд ли может быть подвергнута дальнейшему изменению.

Радикальный поворот от описания сущего к теме бытия, совершаемый во втором томе, напротив, чреват остаточным впечатлением самонеудовлетворенности от предпринятой попытки упаковать материал в формат книги. Ограничивающим препятствием здесь выступает сам язык: тема бытия для своего полноценного раскрытия требует от языка преодолеть свои возможности. Философия в таком случае пытается изобрести свой «продвинутый» язык, малодоступный для непосвященного читателя. Чтобы донести Типологию до максимально широкого круга интересующихся этим предметом, мы постарались, насколько могли, проникнуть в тему бытия «бытовым» языком, хотя это не всегда приносило ожидаемые результаты. В силу упомянутых обстоятельств, а также ввиду того, что тема бытия в принципе плохо поддается описанию, второй том вышел несколько сложнее первого.

Читатель не должен ожидать такой же ясности, простоты, доступности и красочности изложения, каковая была возможна в первом томе.

Несмотря на то, что мы стремились изначально вынести на суд читателя безупречно законченное изделие, в процессе формирования материала второго тома мы постоянно наталкивались на фальш-стены, скрывающие за собой неисследованные территории и знаки вопроса. Причина не лежит в слабости нашего метода или недальновидности подхода – напротив, само бытие, неприметно пронизывая нас и едва обращая на себя наше внимание, всегда прячется в глубину своей тайны. Ввиду этого, а также ввиду ограниченности времени и ресурсов мы вынуждены оставить многие темы, затронутые во втором томе, в статусе открытых для дальнейшего развития и для критики. Что касается читателя, желающего приобщиться к Типологии, своеобразной компенсацией тут могут послужить практические занятия – практикум типирования – и непосредственное участие в разработке предмета.

Позиции

Мы оставляем тему, которую систематически разрабатывали до сих пор, – тему описания функций – и открываем совершенно новый раздел Типологии. В этой главе будет изложен материал, не имеющий никакого отношения ко всему предыдущему, и если читатель все же встретит какие-то прежние метафоры, образы, слова, то это только вследствие того, что наш язык и наше воображение ограничено. Единственным мостиком, соединяющим нас с предыдущим материалом, служит вопрос, прозвучавший в конце главы «Эволюция функций». Это вопрос о приоритете – о ставке, которую мы можем сделать на ту или иную функцию, о значении той или иной функции конкретно для каждого из нас. Речь идет не о вертикальной, эволютивной дискриминации функций, но о совсем другом принципе упорядочивания.

Если вертикальная иерархия была порождена *Осознанностью*, то для дальнейшего типологического описания мы вводим абсолютно новую категорию – категорию *Внимания*, которая до сих пор никак не была затронута. Категория Внимания открывает нам «структуру» нашего бытия – то, что мы назовем *позиции*. Сам термин «позиция» восходит к Канту, который говорил о бытии как полагании (Position) вещи. Таким образом, бытие в отношении к «структуре» человека есть своего рода «позиционирование» – полагание чего-то в

некоторые универсальные места, ячейки для наполнения содержанием (позиции).

Ссылка на Канта указывает на то, что тема данной главы – тема позиций – философская. Это фактически последнее погружение в философию, необходимое для построения Типологии. Будучи предметом философии, позиции невидимы обычным глазом и трудноуловимы. Как и вообще все, что относится к бытию, позиции, в отличие от самих функций, всегда оперирующих с сущим, не обнаруживают себя так просто в непосредственном опыте ведения. Если функции – это некоторые *содержания* нашего Сознания (а их четыре), о которых можно сказать, что они «есть», то позиции – это бессодержательные акты внимания, и о них можно сказать, что их «нет». И тем не менее это не философские абстракции, за позициями стоит своя «реальность», позволяющая вывести их в опыт наблюдения (что будет продемонстрировано в следующей главе).

Приступая к описанию позиций, следует отметить также те препятствия, с которыми сталкивается наше мышление и язык всякий раз, пытаясь высказаться о чистом бытии. Наш повседневный язык, предназначенный для называния сущего, «немеет» перед темой бытия, уступая место молчаливому созерцанию. В такой ситуации мы вынуждены прибегать к метафоре, к наброску, намеку (отсюда – частое использование кавычек в дальнейших разделах) – читатель не должен быть слишком придиричив к словам, соучаствуя в нашем опи-

сании.

Воспользовавшись языком метафор, можно сравнить внимание с ветром, и тут уместно будет спросить: видел ли кто-нибудь вообще ветер? Нет, не видел. Мы всегда свидетельствуем наличие ветра опосредованно, через его эффекты, то есть содержания, акты сознания. Мы видим движение листьев, волны, взлохмаченные волосы. В самом абстрактном случае это тактильное ощущение на лице – давление воздуха. То же самое можно сказать, например, о прозрачности стекла – если на нем не будет никакого пятна, потека, никакой мутности, то стекло станет полностью невидимым. Вот эти «пятна» и «потеки» и есть содержания – содержания функций: Рациональные и Иррациональные, Белые и Черные, Бессознательные и Осознанные...

Но само Внимание, лишенное содержания функций, всегда остается невидимым. И тем не менее именно Внимание превращает содержание в функцию, подобно ветру, придавая сущему динамический, процессуальный характер. Поскольку Внимание нам никогда не дается вне актов Сознания, вообще понять его как независимое от Сознания событие было для человечества настоящим прорывом. И этот прорыв совершила именно философия. И самое потрясающее, что философия провела границу между вниманием и Сознанием там, где увидеть ее, казалось бы, совершенно невозможно, – в области Ида, бессознательного. Ведь, как и Внимание, Ид для человека тоже остается в зоне невидимо-

го. И в принципе все метафоры ветра и стекла могли бы относиться и к бессознательному. Но именно здесь, в Иде, в месте полного отсутствия Сознания, Внимание обнаруживает себя как независимое, уникальное событие.

I. Essentia и Existentia

Если позиции индуцированы категорией Внимания, то само внимание может быть ключом к вскрыванию темы позиций. Что такое внимание в нашем контексте? Это акт нашего сотрудничества с бытием в порождении сущего. Философия устами Лейбница задавала вопрос: почему вообще есть сущее, а не Ничто? Мы не пытаемся здесь ответить на этот вопрос и не требуем ответа, мы лишь констатируем тот факт, что наше бытие «приносит» откуда-то сущее (причем для каждого – свое!), которое, подобно туману, окружает нас кольцом своего серого неразличимого единообразия. Внимание являет, побуждает сущее явиться как явленное сущее; это степень выявленности, вынимание сущего из неразборчивости фона. Такое «сумбурное», невыявленное сущее всегда предшествует всем нашим актам сознания, структурирования, действиям, предшествует нам вообще. И тем не менее эта безликая масса сущего не задана нам как некоторый общий, единый для всех материал. Этот «сырой материал» – наш собственный, нами же порождаемый «кошмар», давящий и напирający на нас, словно дрожжевое тесто. Это и есть суть нашей *нулевой* позиции – полностью лишенное всякого внимания, обделенное вниманием сущее изначально предстает как какая-то «глина», «тесто», «облако», «сырье».

За нулевой, *априорной* позицией следует наша *главная* позиция, где, собственно, и обретается само наше внимание. Главная позиция — это источник, луч внимания, который бьет из пустоты, из «дырки» внутри «кольца» сущего. Здесь находится наше истинное, предвечное, *ноуменальное* «Я», которое тем не менее нам никак не дано и никак нами не рефлексируется (это «Я» нужно понимать не в эмпирическом смысле, как «кто» Эмпирики, и не в психоаналитическом смысле, как Эго, но в новом для нас ракурсе бытия; наиболее адекватной заменой для местоимения «Я» было бы, возможно, то, что именуется в философии «что-бытием» или просто местоимением «что»). Будучи само источником (внимания, света, — следует отделять этот свет в его статусе источника от эффектов освещенности сущего, как метафор, которые мы использовали при описании эволюции сознания), это «Я» не может быть обнаружено, — это неразделенная тайна нас самих, точка нашего отсчета, глаза, которые смотрят на окружающее сущее и не видят себя. Мы словно освещаем вниманием плотное кольцо безликого сущего, но не можем узнать в нем себя, различить свой собственный лик. Все, что мы можем сказать о главной позиции, подобно утверждению: «Я есмь», — здесь есть «Я» как абсолютная, постоянная величина, как собственное *Лицо*, из которого я «исхожу», действую, смотрю вовне, но которое сам никогда не вижу и никогда увидеть в принципе не могу, поскольку нахожусь «по ту сторону», «в изнанке» своего Лица (поэтому справедли-

вее было бы сказать не «Я есмь», а «меня нет» – как ни парадоксально это звучит, но мы актуализируем свое «Я» через собственное отсутствие среди сущего, а не присутствие).

Мы не можем увидеть себя, будучи сами собою, в себе пребывая, находясь на том же самом месте, что и наше «Я». Если мы видим наше «Я», значит, оно уже позитивно, значит, есть некоторое дистанцированное место, откуда мы смотрим и откуда оно нам видится. Но может ли это быть нашим истинным «Я»? Иными словами, может ли внимание внимать самому себе – можем ли мы рассмотреть себя, если мы сами и есть ослепляющий источник света (внимания)? Если бы нас не тревожил этот вопрос, если бы у нас не возникало повода для подобного вопрошания, то можно было бы заключить, что наше бытие ограничивается двумя описанными позициями – нулевой и первой (главной). Это фундаментальные, изначальные позиции бытия, в которых мы могли бы существовать вечно: есть абсолютный источник внимания, наша *интенция* (единица, первая позиция), и абсолютное отсутствие внимания, окружающий нас мрак неизвестного (ноль, нулевая позиция). Луч нашего внимания упирается в клубящийся туман сущего и не находит в нем нашего собственного образа – мы не способны ни найти себя в этом чужом, напирющем со всех сторон сущем, ни познать природу этого сущего.

Дальнейшая драма обусловлена тем, что мы не хотим смириться с таким положением дел. Мы не хотим существовать

инкогнито (хоть и вечно). Поэтому мы начинаем действовать, «толкать» эту массу сущего, чтобы обнаружить себя (или, точнее говоря, свою тайну, тайну своего происхождения и того, что нам предшествует) по обратной реакции – сущее реагирует на нас, давая нам представление о нас самих, отражая нас, возвращая нам наш образ и ставя его перед нами, так что мы можем увидеть себя, свое Лицо, словно в зеркале. Мы должны выдвинуть себя в сущее как объект, спроецировать себя в сущее. Поэтому мы «копируем», или сдвигаем две изначальные позиции, получая вместо них вторую и третью (такое «копирование» не имеет ничего общего с тем, о котором говорилось в начале первого тома, когда вводились открытые функции).

Вторая позиция фактически осуществляет наш выход в сущее, она выводит главную позицию вовне, действуя от лица нашего «ноуменального Я». Здесь совершается шаг вперед, выступание-из (как это иллюстрирует египетская ритуальная статуэтка ушебти). Вторая позиция есть наш способ делать шаг вперед, заносить и ставить ногу в сущее, толкать сущее. Это наша самореализация, *сказуемое*, которое выносит в репрезентацию *подлежащее* – наше ноуменальное «Я». Во второй позиции «Я» становится действующим лицом, оно ставит свой росчерк (тот самый росчерк, о котором говорилось во вступительной главе к первому тому). Поэтому мы называем эту позицию *оперативной* — это есть то, что мы постоянно делаем (просто категорически не можем не де-

лать!), чтобы действительно *быть*, чтобы своим бытием о себе заявить. Здесь *апоимность* нашего Лица движется к обретению своего *имени*. В дополнение к молчаливому и неподвижному Лицу у нас появляются активные и подвижные *Руки*, выдвинутые в сущее и сочиняющие сюжет собственного романа от своего имени.

Текст романа как конечный результат движения наших Рук, *делания*, сочинения появляется уже на *третьей* позиции. Он содержит уже более или менее очерченный, выявленный образ главного героя, которому мы уделяем наше внимание – то самое внимание, которое мы переносим из первой позиции. Наш герой, таким образом, есть наше «Я», вынесенное в сущее, – «сущее Я». Осуществляется наша заветная цель – мы встраиваем себя в сущее, обретаем себя среди сущего, окружая себя некоторым слоем («личного», «ближайшего», «приватизированного», «опосредованного»), присваивая и осваивая часть сущего, назначая себе некоторую роль и отыскивая для себя некоторый смысл, место, предназначение. Мы даем себе некоторый *псевдоним*, по которому нас можно узнать, обозначить, предъявить другим, выделить среди кишашего множества «улицы». Мы пишем автопортрет, отражаем себя в *Зеркале* и начинаем *видеть* себя.

Однако описание нашего «Я» в сущем как «главного героя» всегда ущербно, неполноценно, искажено, оно не может обладать той целостностью, которой обладает исходное,

ноуменальное «Я» – наше анонимное, предвечное Лицо. Герой, которым мы себя *представляем* и с помощью которого мы себя *самоидентифицируем*, будучи вынесенным в мир, во множество, вовнутрь некоторого бесконечно огромного шара (Вселенной), всегда беспомощен перед роком, зависим от обстоятельств, подвержен изменениям, многочисленным опасностям и поэтому нуждается в защите – защите ввиду своей «брошенности» в сущем. Так, в итоге выдвижения из начальных позиций (эк-зистирования), происходит наше *падение* в мир.

Третья позиция – это всегда подмена главной, компенсация: мы замещаем все мыслимое и немислимое сущее какой-то «прокладкой» личного, ближайшего, присвоенного, мы ищем и находим себя в мире, попадая в социальные стереотипы. Мы надеваем стандартные маски и играем *роли* из какого-то утвержденного социумом репертуара. При этом сам играющий роль актер находится во второй позиции. Третья позиция – это отражение, куда мы себя проецируем, это «мой мир», «приватизированный мир», где «Я» (главная позиция) превращается в «мое». Это то, что проходит, как сон, когда настает наш час и мы умираем.

Стоя постоянно перед «зеркалом» в третьей позиции, мы наблюдаем за изменениями, которые наш образ претерпевает в течение нашей жизни, – меняется география, одежда, цвет волос, появляются морщины. Стареем наш портрет – портрет Дориана Грея, при этом само Лицо на главной пози-

ции остается неизменным. При «встрече» с собой (в зеркале) на третьей позиции нас, как героя романа Оскара Уайльда, зачастую охватывает ужас. Чтобы справиться с ужасом, мы систематически заботимся о себе, о своем «имидже», о своем отражении. Мы пытаемся как можно более тщательно «причесывать волосы» перед зеркалом, однако следует понимать, что мы «причесываем волосы» не себе, а «ему». Этот «он», «посторонний», словно забытая на улице сумка, подвергается опасности и насилию со стороны мира – мир сомневается, хороший «он» или плохой, честный или нечестный, мир решает, наградить «его» или казнить, обогреть или обобрать... Это и есть то, что Юнг называл *слабой* психической позицией, – психоз и забота о «нем», дабы «его» обезопасить.

Все это событие можно сравнить с человеком, который садится перед телевизором и начинает смотреть фильм, но главный герой этого фильма – сам он, причем «он», что очень важно, неотделим от роли (роли могут быть разные – отца, матери, сына, дочери, инженера и т. д.). Этот фильм с первых же минут просмотра настолько поглощает внимание смотрящего, что смотрящий полностью забывает о себе, оставшемся перед экраном телевизора, причем забывает навсегда...

Но важно помнить, что между абсолютно неизменным зрителем (главная позиция) и изменчивым героем (слабая позиция) есть еще промежуточная оперативная позиция. Ка-

ков ее статус: можно ли изменить что-то во второй позиции? Можно ли повлиять на наш способ действовать Руками, поставить свой росчерк? Можем ли мы изменить свое *имя* так же легко, как мы меняем *псевдоним*? В принципе это возможно, но совершить это на практике невероятно сложно. Собственная оперативная позиция актуализируется (для нас самих) в результате усилия, равносильного настоящему духовному подвигу. Недостаточно постричься в монахи и взять другое имя – стать иноком, как отец Сергей в романе Льва Толстого. Сколько ни молись и пальцы себе ни руби, в сущности ничего не меняется, мы остаемся теми же самими, только стареем, нагружаем себя опытом и знаниями. Должно произойти какое-то мощное, судьбоносное, ключевое событие, которое способно повлиять на вторую позицию. В противном случае все, что с нами происходит, откладывается лишь на третьей позиции – все наши встречи, общения, социальные взаимоотношения приносят свои плоды именно там.

Вся наша жизнь фактически проходит на третьей позиции – мы топчемся перед «зеркалом», фиксируем изменения, беспокоимся о своем образе, прокладываем оптимальный маршрут сквозь «улицу», боимся куда-то опоздать, с тревогой ожидаем чего-то в этом «зале ожидания» (Фаулз), потом все это проходит, как сон – плохой или хороший, добрый или страшный. Мало кто из нас рефлексировал себя на второй позиции – что он вообще здесь *делает* и что делают его Руки. А ведь вторая позиция непосредственно связа-

на с нулевой – с теми неведомыми нам *Обстоятельствами* «улицы», где находятся, как безликая масса, «они». Главная трагедия нашего бытия заключается в том, что мы вообще не рефлекслируем себя нигде, кроме как в слабой позиции: из четырех наших позиций мы «видим» только одну – слабую! Мы упираемся в третью позицию, как в *тупик* — зеркальную стену, – проводя перед этой стеной всю жизнь, молясь чему-то, словно перед Стеной Плача, меняя что-то в этом тупике, но по существу не меняется ничто. Обратная связь между третьей и нулевой позициями порвана, и, как бы мы себя ни «причесывали», мы не в силах изменить обстоятельства «улицы» – то сущее, которое нам дано в начале цепочки, которое «толкает нас в спину» из нулевой позиции (мы не подозреваем, что это сущее есть наш собственный «экскремент» – то, что исходит от нас и уходит во тьму, оставаясь незамеченным: «Мы не видим всходов из наших пашен...»).

Третья позиция, таким образом, есть своего рода непроницаемый забор, препятствие для нашей эволюции. Она закупоривает нас, как пробка в бутылке, и не оставляет возможности для чуда, которое только и может прийти в нашу жизнь, что из клубящегося тумана нулевой позиции. Мы никак не можем повлиять на нулевую позицию, мы не имеем там ни власти, ни внимания, но она, наоборот, всецело управляет нами, загоняя нас в тупик. Если бы мы могли замкнуть кольцо позиций и обрести власть над *Обстоятельствами*, то стали бы бессмертными. Но на практике это ока-

зывается очень сложной, непосильной для большинства из нас задачей, поэтому тупик слабой позиции оборачивается смертью – мы живем и умираем в тупике.

Как это умирание выглядит фактически? Пока мы «причесываемся у зеркала», мир познает и описывает наш образ, сочиняет на нас «некролог». Миру всегда хочется нас во-братъ, переварить и в себе «похоронить» – составить на нас «досье» (этот принцип блестяще раскрыт в романе Набокова «Приглашение на казнь»). Когда «другие» нас узнают, поймут, опишут, мы умираем для мира. В этой смерти и в этих публичных «похоронах» с эпитафией на могиле содержится также и *наш* шанс – пройти сквозь «человеческую массу» и выскочить на нулевую позицию с обратной стороны, тем самым превратив ее в «четвертую».

Между нашим сокровенным (анонимом) и нашим псевдонимом (который дал нам мир при рождении через отца и мать) нет фактически ничего общего, поскольку на второй позиции зияет прочерк, провал (отсутствие внимания). В этом провале и заключается причина слабости третьей позиции: вместо псевдонима, передающего через связующее звено оперативной позиции нашу сокровенную суть (главную позицию), в мир выносятся некоторый «туман», «ложь», «вранье»: мы «врем» не только миру на слабой позиции, но и себе.

Чтобы усилить третью позицию, нужно найти *свой* псевдоним. Нужно поставить в третью позицию то, что соответ-

ствуем нашей первой позиции, – вынести в мир сокровенное, аутентичное содержание первой позиции. Следует предстать не «писателем», «философом», «Иваном Ильичом», но назвать себя *сказуемым*, чтобы мир понял, что мы тут делаем и для чего мы тут – каким *образом* мы присутствуем. Поэтому нужно сначала познать нечто о себе, о своей второй позиции, чтобы отправить это в третью позицию. Такое «возвращение к себе», в обратную сторону от третьей позиции, называется *редукцией*. Совершив некоторое усилие, мы в принципе способны редуцировать себя до второй позиции и увидеть наши Руки (и тот росчерк, который они ставят как собственную подпись). Но мы никогда не в состоянии редуцировать себя до главной позиции и заглянуть себе в Лицо. Главная позиция – это то, что предшествует нашей экстериизации. Мы не можем увидеть там ничего, кроме зияния изначальной Пустоты. Далее выбор за нами – согласиться с этой Пустотой, признав ее за априорное событие, или заполнить Пустоту каким-то «божественным началом», как, собственно, и поступала западноевропейская культура вплоть до XX века.

На этом мы завершаем общее теоретическое описание позиций. На данном этапе мы можем предложить лишь макет, конструкцию, абстракцию – онтологическое описание некоторых пустых ячеек. Чтобы сделать эти ячейки доступными хотя бы в первом приближении, мы заполнили их какими-то условными красками, дополнив формальный материал некоторыми художественными проекциями и метафора-

ми. Соберем и повторим теперь самое существенное (что касается конструкции). У нас есть две основополагающие позиции (*essentia*), которые «копируют» или «выдвигают» себя, чтобы обнаружить (выявить) наше «Я» (*existentia*), удваивая тем самым число позиций до четырех. Таким образом устанавливается генуинная связь между нулевой и второй, первой и третьей позициями – «оригиналами» и «репликами». В последней паре сосредотачивается *внимание*, причем первая позиция содержит сам источник нашего внимания. Мы назвали первую позицию главной, поскольку там находится наше «настоящее», ноуменальное «Я» – абсолютная, неизменная и недоступная величина, которая вообще никак не рефлексится. Мы назвали вторую позицию оперативной, поскольку в этой позиции мы совершаем экзистирующее действие, мы выносим наше «Я» в сущее. Наконец, мы назвали третью позицию слабой, или подчиненной, поскольку здесь мы находим себя в положении объекта среди сущего, бессильного перед обстоятельствами и нуждающегося в защите.

Мы предлагаем следующие метафоры. Нулевую позицию мы обозначаем как Вероисповедание – здесь творится с нуля сущее, как некоторый сырой материал, причем мы остаемся в полном неведении относительно акта этого изначально-го сотворения. Первую позицию мы обозначаем как Аноним в силу анонимности находящегося там «Я». Вторую – Имя, подразумевая наше *действительное* имя, от имени чего мы

действуем и во что мы можем адекватно упаковывать тот росчерк, которым мы являемся. И третью позицию мы обозначаем как Псевдоним – это псевдо-имя, по которому, как нам кажется, нас должны узнавать «другие». На языке местоимений соответствующая цепочка позиций выглядит как «Они» (безличная масса), «Я» (только в единственном числе!), «Я-Ты» (общение с собой, общение Рук – две Руки ведут между собой диалог: «Ты же обещал сегодня не пить!...»), «Я-Он» (Я как объект). И, проецируя позиции на части речи, мы получаем последовательность: Обстоятельства – Подлежащее – Сказуемое – Дополнение.

Наконец, сравнивая позиции с частями тела, мы называем нулевую позицию Спиной (поскольку за спиной нет нашего внимания – мы находимся в полном и трепетном неведении относительно того, что происходит у нас за спиной). Известные Обстоятельства все время как бы толкают нас в Спину, словно непонятно откуда дующий ветер. Далее следует неподвижное Лицо (первая позиция), движущиеся Руки (которые тоже лишены нашего внимания и делают нечто сами по себе) и Зеркало (третья позиция), под которым подразумевается наш образ или отражение, наше представление о себе. Смысл цепочки позиций, начиная от главной, можно описать последовательностью Постоянство – Самореализация – Тупик.

Описанная выше ситуация разомкнутой цепочки позиций, создающая определенный поток событий, провоцирует

нас сопоставить все это со своего рода «фильтрационной моделью». Смысл этой модели заключается в том, что мы подаем некоторое «сырье», или «материал» (изначальное сущее), на вход и каким-то непонятным и таинственным для себя образом перерабатываем это сущее, проецируя (вкладывая) себя в это сущее и получая на выходе то, что называлось «отражением в зеркале» (наше отражение в сущем). На входе есть предшествующее нам сущее, сущее-без-меня, которое мы незаметно для нас самих творим в нулевой позиции. На выходе мы должны получить проекцию себя в этом поданном на входе сущем, то есть совместить два события – «Я» и «Сущее».

Между входом и выходом находятся наши внутренние, сокровенные позиции, которые мы практически не рефлекслируем и не видим, но которые и составляют саму нашу суть – Лицо и Руки. Можно представить эти позиции как систему трубок определенного диаметра, сквозь которые проходит поток руды, или просто как некоторый «черный ящик», совершающий преобразование входного сигнала. Наше неподвижное Лицо соответствует конфигурации трубок, тогда как Руки подобны некоторой турбине, гонящей поток сквозь систему трубок, пережевывающей и выталкивающей все наружу. Таким образом, каждый из нас подобен конвейеру, который гонит и обрабатывает руду, или пищеварительной системе, «заглатывающей» сырое сущее в себя и «выплевывающей» итоговый композитный продукт – сущее, в котором

уже внедрено и отпечатано наше «Я».

Важно понять, что нам доступен фактически лишь конечный результат, синтез «Я» и сущего, осадок химической реакции, алхимический брак «Я-в-Мире» (или, точнее, «каким-я-себя-представляю-в-мире») – третья позиция. Три другие позиции скрытно сделали свое дело, произвели этот результат каким-то неведомым для нас способом и поставили нас перед фактом бытия-в-мире как своеобразного «заблуждения» или «сна». Наше заблуждение состоит в том, что мы воспринимаем третью позицию как то, на что мы в силах отчасти повлиять, если будем куда-то бежать, суетиться, что-то предпринимать. Именно эта наша обращенность к конечному результату, к Зеркалу и попытка что-то менять в Зеркале обрекает третью позицию быть слабой.

Еще раз, картина такова: на обочинах разомкнутой цепочки позиций находятся причина и следствие, вход и выход, исток и конечный результат. В промежутке мы имеем собственную сокровенную сущность, «внутренность». Эта «внутренность», подобно трубке пищевода, поедает сырое сущее, переваривает его и проецирует себя в сущее в виде «персонажа», «героя», «образа» или «объекта». Все это, как можно заметить, выглядит достаточно патологично и не предвещает для нашего бытия ничего, кроме той или иной психодрамы, стрессов, деформаций, психических заболеваний. Понятно, что ничего хорошего из этого выйти не может. Это ловушка, тупик, самообман, заблуждение. Мы не видим

большую часть всей этой картины, поэтому действуем почти вслепую и не замечаем, чем на самом деле все мы здесь занимаемся. Нас неумолимо влечет конвейер позиций к выходу и прижимает носом к стене, тупику, Зеркалу. И мы даже не слышим того звука, того страшного хрипа или вопля, который издает наша собственная «труба» позиций.

Ситуацию, однако, можно «исцелить», если замкнуть вход и выход, третью позицию и нулевую. Это значит понять, что то, что мы посылаем в темноту «улицы», есть «экскременты» нашей собственной психики, которые к нам же и возвращаются. И если мы будем «освещать» вниманием, контролировать и нести ответственность за то, что мы посылаем в темноту (говоря библейским языком, «бояться» того, что от нас исходит), то и сущее на входе начнет нам как-то отвечать. Это и есть путь экзистенциального развития, экзистенциальный сдвиг – возможность вмешиваться в Обстоятельства, влиять на сущее, чтобы оно приносило нам то, что мы хотим иметь. А до тех пор, пока мы не замкнем позиции в кольцо, мы будем, как конвейер, штамповать в темноту одни и те же изделия (этот философский ход подводит нас к идее бессмертия, наступающего в результате замкнутости позиций, которую можно сопоставить с идеей бессмертия Малого Круга).

Изложив общую теорию позиций и объяснив, что такое позиции как таковые, мы подходим теперь к вопросу, имеющему огромное значение для практического типирования.

Давайте поймем, как пересекаются позиции, когда мы смотрим друг на друга, – что мы видим и откуда мы видим? Исходя из того, что говорилось выше относительно нас самих, мы видим только *свою* третью позицию и встречаем других на третьей позиции. Значит ли это, что при этой встрече мы видим только третью позицию у другого человека, то есть мы видим других так же, как и они себя? Если бы это было так, всякая встреча заключалась бы в общении наших Псевдонимов, тогда как «сокровенные» позиции составляли бы «внутренний мир» человека, совершенно непроницаемый для встречного взгляда.

Поскольку мы созерцаем себя только в Зеркале (на третьей позиции), нам представляется, что и других мы применяем только по их маскам и образам, – нам кажется, что мы видим внешний вид, а не «внутренний мир», и что нас тоже видят в нашей третьей позиции. И когда мы друг с другом общаемся, мы полностью уверены, что наш «внутренний мир» надежно скрыт от чужих глаз. Это одно из заблуждений, доставшихся нам от природы, которое мы вынуждены здесь разоблачить. Дело в том, что мы, пребывая в заблуждении, склонны придумывать эфемерные величины – но никакого «внутреннего мира» на самом деле нет! Ему негде быть, поскольку наш взгляд упирается в Лицо другого человека. У нас есть уверенность, что мы несем «глубокий внутренний мир», наполненный интимным содержанием, а во «внешний мир» выставаем некоторый фантом ак-

тера, но, сколько ни потроши, «внутреннего мира» не обнаружить. Дальше, за Лицом, нет никакой «глубины», кроме физиологической анатомии тела.

Нам следует сделать один парадоксальный вывод: то, что мы видим, глядя на других, и есть их ноуменальная, *главная* позиция. Поэтому нам не нужно ничего «вспарывать», «докапываться», чтобы увидеть что-то сокрытое внутри. То, что принято называть «душой» или «психикой», расположено не внутри, но снаружи, в мире, и глаза, смотрящие на нас извне, видят нас полностью. Мир видит наше нутро, он видит нас с потрохами, хотя мы себя полностью не видим, мы не можем увидеть себя такими, какими нас видят другие. Отсюда, из этого «разночтения» возникает некоторое «таинственное» место, которое не видно нам, но видно «другим» со стороны – видно Вселенной.

Рисунок 10: Пересечение позиций: взгляд от себя (наверху) и взгляд от «других» (внизу)

Нам кажется, что у нас есть наше интимное укрытие,

спрятанное от лишних глаз и недоступное другим, сугубо личная, зарезервированная за нами пещерка, откуда нас никто не вытащит. Но этого места нет! Нет ничего тайного! Все тайное становится (и уже стало!) явным: «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы», – говорится в Евангелии от Луки. Мы пребываем в полной уверенности, что наши волосы и зубы выпадают там, в мире, а мы сами сидим неизменно в пещерке и внутри ничего не меняется. Это и есть наше заблуждение. Картина мира, где есть одна на всех сцена, один на всех общий Колизей, арена, где все мы встречаемся на третьей позиции, и множество пещерок, скрытых лож, выходящих на арену, где сидят наши истинные «Я», неверна. Картина мира, в которой мы подобны песочным часам с двумя независимыми пространствами – внутренним и внешним, – есть не более чем модель, удобная для объяснения материала на определенном этапе нашего исследования. На самом деле есть только одно место, один сосуд, одно единое пространство, освещенное либо (Открытой) Сенсорикой, либо (Открытой) Эмпирикой (принцип «милицейской палочки»): все накладывают свои позиции на одно Целое. Всем светит одна луна, но у каждого своя лунная дорожка.

Из того, что мы не можем значительную часть себя увидеть, произрастает наше заблуждение и наша смерть. Мы не можем увидеть то, чем мы фактически являемся, и поэто-

му мы обречены блуждать где-то рядом со своим главным и единственным «Я». И наша смерть, которая каждого из нас ожидает, есть встреча с тем «Я», которое мы никогда не могли увидеть, которое казалось нам Пустотой, Богом или Нирваной, – встреча с собственным Лицом: «Придет смерть, и у нее будут *твои* глаза» (Чезаре Павезе). А поскольку «другие» видят наше Лицо, можно утверждать, что эти «другие», от которых мы когда-то при рождении отделились, несут в себе нашу смерть. Можем ли мы в данной ситуации что-то предпринять, чтобы исправить наше положение? С точки зрения Типологии выход видится нам в выносе своей главной позиции в третью – таким образом мы сможем обнаружить то содержание, что было на главной позиции. Нужно совершить прыжок с первой позиции на третью через вторую и выплеснуть свое сокровенное в мир, на холст, чтобы оно вспыхнуло на третьей позиции, как сирень Ван Гога.

Итак, принцип пересечения первой и третьей позиций можно считать проясненным. Схематично он изображен на рис. 10. Но что при этом происходит со второй позицией, какую роль играют наши Руки или Имена во взаимной встрече? Способны ли мы узнать Имя другого человека непосредственно? Способны ли мы встретиться не как роли, а как актеры, их играющие? Из рис. 10 видно, что наши оперативные позиции при встрече находятся в точности друг напротив друга, так что осуществляется своего рода наложение оперативных позиций. Это «перекресток», где соприкасают-

ся наши Руки, в результате чего становится возможным настоящее Руко-пожатие и взаимодействие. На самом деле такое Руко-пожатие есть глубоко нас затрагивающее и поэтому редкое событие – событие подлинной судьбоносной Встречи, способной повернуть нашу жизнь.

№	Позиция	Атрибуты	Описание
0	Нулевая	Вероисповедание Спина Обстоятельства Они	Декорация: время и место. Сущее без меня. Сущее как материал.
1	Главная	Аноним Лицо Подлежащее Я	Я как зритель. Я в единственном числе. Невозможность встретиться с собой. Постоянство. Неподвижность.
2	Оперативная	Имя Руки Сказуемое Я-Ты	Я как актер. Активное Я. Действие и самореализация. Росчерк. Встреча и диалог с собой во втором лице (иероглиф Ка).
3	Слабая, Подчиненная	Псевдоним Зеркало Дополнение Я-Он	Я как роль. Представление себя со стороны. Нахождение своего образа. Я как главный герой романа, кто-то в третьем лице, объект среди сущего. Попечение о себе и защита своего «имиджа».

II. Понятие Темперамента

Обсудив позиции как универсальные ячейки, описывающие наше бытие, мы теперь готовы заполнить их некоторым содержанием. Таковым содержанием являются четыре функции психики. Попросту говоря, мы берем четыре функции в жестко обусловленном порядке их следования и помещаем в позиции. В зависимости от того, которая из четырех функций окажется на главной позиции, мы имеем четыре возможных конфигурации, или четыре психологических типа для каждой из архетипических квадр. Учитывая, что квадрат тоже четыре, мы получаем в итоге $4 \times 4 = 16$ психологических типов.

Если обратиться к рис. 7 (см. первый том), где архетипические последовательности функций мы сравнивали с нотами или мелодиями, то соответствующую операцию наложения позиций можно сравнить с выделением главной доли, или начала такта, – точки отсчета, на которую приходится главная позиция. Вспомним также, что Юнг называл это нуминальным акцентом. В результате выделения главной доли и совмещения с позициями функции приобретают дополнительную окраску, отвечающую их местоположению в бытии. Если у нас было до сих пор четыре версии каждой функции (две черные и две белые), то с учетом четырех возможных позиций образуется $4 \times 4 = 16$ версий для каждой из четырех

функций психики, что составляет в совокупности $4 \times 16 = 64$ функции.

Это и есть, в сущности, итог Типологии – шестнадцать психологических типов и шестьдесят четыре функции как их «строительные элементы». Последующие главы будут посвящены детальному описанию психологических типов, однако подробное описание полного комплекта шестидесяти четырех функций (аналогичное тому, что было дано в главе «Шестнадцать функций») выходит за пределы данной книги. Мы хотим отметить тем не менее важный поворот в нашем исследовании: с этого момента мы начинаем изучать не качество и характер функций как таковых, но местоположение и роль каждой функции в жизни конкретного человека.

Следует подчеркнуть, что наложение позиций не разрывает алхимический круг функций, но привносит в этот круг некоторое новое измерение, или новый параметр: Внимание. Размещение одной из функций на входе (в нулевой позиции) и одной из функций на выходе, в тупике (третья позиция) не означает, что психический круг «затыкается» некоторым препятствием, как заглушкой. Напротив, все функции в круговращении помимо своих психических ролей выполняют еще какие-то вторые, бытийные, экзистенциальные роли (непосредственно имеющие отношение к каждому конкретному человеку), которые до сих пор молчаливо игнорировались. Можно говорить о двузначности ролей функций: об их роли в психике как сущем (алхимическое вращение

колеса психики) и об их роли в бытии. И если в психическом плане наше колесо «закручивается» Идом, как источником энергии, то в позициях происходит дискриминация по другому принципу (принципу Внимания), и та функция, которая становится на входе, попадая в нулевую позицию, начинает «вторую игру», вторую цепочку ролей.

Давайте теперь конкретизируем четыре конфигурации, определяемые главной долей, или нуминальным акцентом. Мы будем условно именовать четыре образовавшихся типа Темпераментами и различать их по времени суток: Утренние, Дневные, Вечерние и Ночные. Поскольку Чувство первое реагирует на мир, оно как бы всегда раньше других встречает восход солнца. Исходя из этого факта, мы назовем конфигурации, у которых Чувство находится на главной позиции, *Утренними* (мы отдаем приоритет функции Чувства еще и потому, что оно открывает Малый Круг). Конфигурации с Эмпирикой на главной позиции мы назовем *Дневными*, с Мышлением – *Вечерними* и с Сенсорикой на главной – *Ночными*. Этим названиям не следует придавать особого значения и искать в них какой-то глубокий смысл, это просто наш субъективный выбор – назвать типы так, а не иначе.

И тем не менее времена суток предлагают первый, очень грубый и скорее иллюстративно-педагогический, чем практический способ типирования – так называемое типирование «по входу в комнату». Данный способ частично объясняет мотивацию, стоящую за «суточностью» названий, и уста-

навливают соответствия между типами и градацией по временам суток. Суть метода заключается в определении реакции типизируемого при его входе в комнату: дверь комнаты распахивается, и перед человеком вдруг предстает то сущее, которое находится в помещении. Появление сущего само по себе подобно неожиданному озарению, случившемуся при восходе солнца или вспышке молнии.

Реакция Утреннего типа (реакция Чувства) незамедлительна и молниеносна – такая реакция в наиболее ярко проявленных случаях похожа на истерику, психоз или невроз. Дневной тип реагирует с небольшим опозданием, отставая от события. Дневные типы – интуиты – щупают, присматриваются, прислушиваются к себе. Они улавливают психические флюиды из пространства и переживают их в себе. На это «пережевывание» психики уходит некоторое время, отчего и возникает задержка. Солнце уже успевает подняться над горизонтом, и только тогда Дневной тип «просыпается» и реагирует на событие. Мышление на главной позиции у Вечерних типов – это уже приличный «тормоз», дающий значительную затяжку. Ведь мыслить мгновенно невозможно, мышление – это всегда процесс. Пока Мышление поймет, что вспыхнул свет, пройдет целый день, и солнце начнет склоняться к горизонту. Наконец, Ночной тип настолько опаздывает, что ничего сразу не понимает, так что ему остается просто быть. Поэтому можно назвать Ночной тип «подарком» – он входит в комнату, словно дарит себя. Ноч-

ной тип должен не только успеть помыслить, но и построить, спроецировать мир перед собой – на это уходят целые сутки! Сущее задано для него описанием, текстом, который он должен сначала прочесть, истолковать и потом выдвинуть вовне как объект.

Почему же данный метод типирования оказывается несостоятельным на практике? Проблема практического типирования заключается в том, что мы, чтобы воспользоваться этим методом, должны изолировать главную позицию и видеть именно работу главной функции. Но мы фактически не знаем и не можем точно определить, что мы видим, когда человек входит в комнату. Мы не понимаем, на какой позиции осуществляется событие входа в комнату, поэтому описанный метод остается не более чем инструментом для теоретического исследования.

III. Типология и юнгианство: второй перекресток

В этой главе нами был пройден еще один важный перекресток, разлучающий нашу Типологию с юнгианской типологией (соционикой). Поэтому давайте в последний раз оглянемся назад и уточним, что это за перекресток и в чем именно состоит разногласие.

Юнгианская типология и ее наследница соционика строятся на основании аксиомы, согласно которой мир вынесен в объект. Иными словами, нам всем предуготован некоторый единый на всех мир и даны четыре инструмента – каждому свои – для препарирования этого мира (интуиция, ощущение, чувство и мышление). Мы все пробуем этот мир на вкус, потребляем его, как некоторый продукт потребления, но мы не в силах ничего изменить, заглянуть в меню и сделать свой выбор – мы всегда обусловлены неизвестными обстоятельствами, мы не ведаем, что нам поднесут в следующий момент, и, что бы нам ни подали на блюде (будь то хлеб, вино или камень), мы обречены ковырять это своими инструментами: вилками, ножами, щипцами или руками.

Разворачивая эту гастрономическую метафору, можно сказать, что в модели Юнга нам всем, сидящим за большим круглым столом, подают (при рождении) общее блюдо, являющееся миром. Каждый из нас берет с этого блюда одина-

ковые котлеты и кладет их в рот. Рот выполняет роль своего рода главной позиции, потому что наибольшее внимание мы уделяем котлете во рту, пока разжевываем ее. Потом мы глотаем котлету и чувствуем, как она проходит по пищеводу. Мы проталкиваем ее вовнутрь – это вторая позиция. Когда котлета попадает в живот, мы ощущаем ее в виде тяжести, сытости, но сказать, что это было (котлета или сосиска), мы уже не можем, поскольку у нас нет достаточного внимания в желудке. Это – слабая позиция. Что происходит с котлетой далее, в кишечнике, мы вообще не знаем.

Никто из последователей Юнга при этом не задается вопросом: кладем ли все мы в рот одну и ту же котлету? Или эти котлеты разные, и если один кладет мясную, то второй – рыбную, а третий вообще заглатывает тефтелю? Никто из создателей соционики даже не спросил: а может, само блюдо у каждого свое? Ведь вполне может быть, что к каждому из сидящих за столом подходит *свой* официант и подаст *свое* фирменное блюдо. И чтобы типологическая система была замкнутой и целостной, этим официантом должен быть не кто-то иной, приходящий из мира, но наша собственная функция, находящаяся в нулевой позиции. Чтобы построить целостную Типологию, мы обязаны не только наши инструменты, но и само блюдо включить в типизацию – мы не вправе оставлять его за пределами нашей системы.

Именно так поступали древние халдеи, когда разрабатывали гороскоп. Они описывали мир целостно, деля год на

двенадцать месяцев, или знаков Зодиака, замкнутых в кольцо. Если мы рождаемся в марте, значит, Овен – это наше начало, «рот», наша точка входа, и все наше тело вытягивается по кругу вдоль года, не оставляя ничего вне нас. Мы не говорим, что мы причастны только Овну, – мы принадлежим целому кругу Зодиака, но наше главное событие находится в созвездии Овна. То же самое верно и в предлагаемом здесь типологическом описании: сущее – это не созданный кем-то объект вне нас, это часть нас самих, нами же сотворенный объект. И поскольку сам акт творения полностью лишен нашего внимания, мы этого (акта творения) словно бы не замечаем.

Мы не ведаем, каким образом сущее попадает в наше сознание и становится доступным, чтобы мы вообще могли его как-то препарировать. Именно по этой причине Юнг и его последователи начинали цепочку с главной позиции, которая «встречает» мир как внешний, одинаковый для всех объект. Однако уже сама глубокая разница четырех версий любой из функций, описанная в главе «Шестнадцать функций», намекает на то, что мир дан нам всем по-разному, что не может быть одинакового для всех мира. И разница эта есть результат того факта, что сущее приносится в наше сознание и подается нашей собственной нулевой функцией. Эта функция может быть любой из шестнадцати функций (на нулевой позиции), порождающих сущее совершенно по-разному, – Сенсорика есть лишь частный случай, наиболее

доступный для понимания. Мы имеем, таким образом, шестнадцать способов генезиса, генерирующие шестнадцать различных «блюд».

Выделяя мир в объект и универсализируя его, последователи Юнга фокусируют свою типологию на описании характерных методов препарирования мира, подсказывая нам, как эффективнее и точнее справиться с нашей задачей, как правильно разделывать блюдо, с кем предпочтительнее сидеть вместе за столом, а с кем за одним столом лучше не оказываться. Это и есть тот типологический разворот, который можно назвать «типологией личинок». При таком рассмотрении совершенно игнорируются вопросы: а можем ли мы вмешаться в обстоятельства, можем ли изменить мир так, чтобы нам подавали на блюде мороженое вместо котлет, или коньяк, или «ключи от квартиры, где деньги лежат»?

Вместе с тем Юнг и его последователи почему-то ограничиваются тщательным описанием лишь двух позиций – главной и подчиненной, словно у нас есть только две руки, которыми мы орудуем, сидя за столом. Читая работы Юнга и его учеников, мы не находим убедительного анализа остальных двух позиций, что удивляет и обескураживает (такова, например, книга Марии-Луизы фон Франц, посвященная описанию восьми пар сильных и слабых функций). Та функция, что оказывается в правой руке, назначается у Юнга ведущей. Это наша сильная, хорошо освоенная функция, на которую мы в основном опираемся (и поэтому она развита лучше,

чем остальные). Другая функция, которая попадает в левую руку, называется слабой, или подчиненной. Она, согласно Юнгу, «тонет в бессознательном» – в этом ее слабость, но в этом также и ее шанс на чудесное, которое приходит из «бессознательного».

Человек типизируется, соответственно такому раскладу, по сильной или слабой функции (что отражается в характерных названиях – «чувствующий тип», «интуит» и т. п.). Так, если наш типизируемый – мыслитель, физик или математик, опирающийся всюду на одно только мышление, то отсюда делается вывод, что Мышление – его сильная функция, находящаяся на главной позиции («мыслящий тип»), а Чувство – его слабая функция, зажатая, притесняемая (Мышлением), редко используемая. Не требуется убеждать читателя, насколько подобная стратегия и ее выводы могут оказаться наивными и ошибочными. Перед нами фактически открывается не Архетип человека, не его Психотип, но социальный тип («мыслитель», «интеллектуал», «ученый»). При этом добрая половина его психики остается вообще не исследованной.

В отличие от юнгианцев, мы предлагаем целостную систему типирования, где особое значение приобретает не главная и не слабая, но оперативная позиция – тот росчерк, который говорит о нашем бытии: что мы здесь делаем (как сказуемые), в чем состоит наш сказ, что мы хотим сказать и на что хотим показать своей жизнью, в чем суть нашего присутствия и каким образом мы действуем, выступая в сущее. Мы

призываем понять, *что* на самом деле скрывается под маской мыслителя, ученого, интеллектуала, которую мы выстав- ляем миру, – *действуем* ли мы Мышлением, есть ли мы *са- ми* (божественно и монолитно) Мышление, или же мы лишь *представляем* себя мыслителями, играем роль схоластов и энциклопедистов, компенсируя, защищая и «раздувая» свое слабое Мышление. А может, Мышление *начинает* нашу конфигурацию, «дует нам в спину», как ветер, и тогда мы просто преподносим себя миру как своего рода «умный подарок».

Напоследок заметим, что, хотя мы частично и расходимся с Юнгом в интерпретации слабой функции, мы не можем не признать то грандиозное значение и тот потенциал, который принесло открытие и исследование Юнгом слабой функции для психологии. Мы, однако, не готовы согласиться с Юн- гом и Марией-Луизой фон Франц в том, что слабая функция осуществляет связь с бессознательным. Осознанность и бес- сознательное принадлежат другому измерению – эволютив- ному, или психоаналитическому, тогда как слабая функция получает свой статус от категории Внимания.

Точнее будет сказать, что слабая функция, при определен- ных условиях замкнутости цепочки позиций, осуществляет связь с обстоятельствами «улицы» (нулевой позицией) – в этом состоит ее особенное положение и уникальность. И ес- ли слабая функция, фанатично защищаемая нами ввиду сво- ей слабости, в одних случаях служит причиной патологий и психических заболеваний, нуждаясь в лечении, то в дру-

гих случаях – случаях творческого безумия – она же служит средством для прорыва в чудесное, открывая путь к чуду (обычно закрытый в «здоровой» психике). Весь мистический и религиозный потенциал человека, как заметил Юнг, раскрывается слабой функцией (равно как и вскрываются все психиатрические проблемы!). Только она обладает таинственным ключом к изменению всей конфигурации, и только она способна на подлинный шедевр. Слабую функцию не следует недооценивать – несмотря на ее «фантомное» местоположение в бытии, слабость, ранимость, капризность, инфантильность, на нее следует уповать, в нее следует верить, пытаясь вместе с тем ее понять и отрефлексировать.

Но, возможно, это верно не для всех типов? Быть может, у разных типов – разное отношение к слабой функции? И роль (потенциал) слабой функции зависит от типа? Ответы на эти вопросы прояснятся уже в следующей главе.

Психоаналитические квадры (психотипы)

До сих пор мы занимались преимущественно тем, что обсуждали базисные понятия Типологии, готовили «рабочее место» и оттачивали «инструменты» для типирования. Теперь, когда категориально-философский аппарат зафиксирован, мы меняем курс нашего изложения – начинаем пользоваться плодами и получать первые результаты на основании наших знаний о психике человека. Если окинуть взглядом проделанную нами работу, то можно заметить, что сквозь многочисленные детали и нюансы проступает «скелет» наших построений – оси координат, моделирующие психику и определяющие «геометрию» типологической модели. Эта модель выглядит, подобно древнему календарю майя, как три вложенные друг в друга «шестеренки», представляющие три фундаментальных параметра: Сознание, Внимание и Содержание (функции). Если весь предыдущий материал понят и усвоен, «шестеренки» должны легко примкнуть друг к другу, совместиться и заработать как сложенный механизм.

Мы начали с того, что ввели и описали в первой части книги архетипические кольца функций («горизонталь»), затем ввели категорию Сознания и описали эволюцию («вер-

тикаль»), после чего мы наложили две картины и произвели пересечение «горизонтالي» и «вертикали», функций (содержаний) и уровней осознанности. В прошлой главе мы ввели третий параметр – категорию Внимания – и описали позиции как общие «ячейки бытия». Поместив формально функции в позиции, мы таким образом совершили второе пересечение – соединили функциональное Содержание и Внимание, получив Темпераменты. Теперь пришло время рассмотреть недостающее пересечение категорий Внимания и Сознания – психоанализа и позиций, – чтобы замкнуть тем самым треугольник. Тема функций остается при этом в стороне – до конца этой главы нас не будут интересовать конкретные содержания, вложенные в позиции.

При полном игнорировании архетипических содержаний (функций) сами по себе Внимание и Сознание выглядят как достаточно общие и абстрактные категории, говорить о которых можно лишь в общих чертах, прибегая к языку намеков и метафор. Как и в прошлой главе, мы продолжаем находиться на территории бытия, постоянно испытывая недостаток в средствах выражения. Поскольку позиции в чистом виде, как некоторые пустые самонерефлексируемые емкости, не наблюдаются, для их описания мы были вынуждены использовать «ложные компенсаторы» из сущего (метафоры Лица, Рук, Спины и т. п.), наиболее адекватно передающие суть позиций. Мы были вынуждены приблизиться к раскрытию темы бытия с тем арсеналом языка, что был

освоен нами прежде, при раскрытии темы функций. Теперь мы должны добавить к описанию позиций категорию Сознания, что значит придать позициям психологическую окраску, или понять, что из себя являют различные эволютивные уровни осознанности, независимо от содержания, в тех или иных позициях.

Говоря иначе, мы хотим спросить: если открытость и закрытость функций связана со степенью осознанности, то каким образом распределение Белого и Черного (то есть осознания) по позициям обуславливает наш Психотип? У нас есть четыре эволютивных уровня (осознанности), которые могут определять окраску нулевой позиции – сущего на входе позиционной цепочки. Окраска остальных позиций, находящихся в жестко детерминированной последовательности, вытекает автоматически из функционального цикла Ид – СуперЭго – СуперИд – Эго, размещенного по позициям. Таким образом, в зависимости от эволютивного уровня той функции, что изначально приносит нам сущее, – в зависимости от того уровня, с которого начинается цикл, – мы имеем четыре возможных «вероисповедания». Под этим словом мы подразумеваем не приобретенную нами при жизни религию, не графу в анкете и не архетипические теологии квадр.

«Вероисповедание» не выбирается нами, но «вручается» нам как что-то «свыше данное», словно до нас уже существующее, – оно есть нечто гораздо более глубокое, тайное, предшествующее нам в Психотипе и неизменное, о чем мы

не догадываемся и от чего мы не в силах никогда «открыться», перейдя в какую-то иную «веру». Как уже отмечалось в прошлой главе, каждый из нас имеет *свое* сущее на входе, – каждому типу сущее приносится той или иной функцией, так что все шестнадцать типов обладают своим собственным «поставщиком», или способом создавать себе Обстоятельства, в которых они будут проводить всю свою жизнь. Следующая непосредственно за нулевой главная позиция уже всецело предопределена характером и психологической окраской этих Обстоятельств – она являет то, *что* мы есть с точки зрения уровня осознанности (какую психологическую окраску несет наше Лицо).

Итак, мы имеем в изначальных позициях (нулевой и главной) четыре возможные пары: СуперИд – Эго, СуперЭго – СуперИд, Эго – Ид и Ид – СуперЭго, соответствующие четырем фундаментальным Психотипам. Как говорилось в прошлой главе, нулевая позиция представляет из себя безличное, неоформленное «облако», сырую массу сущего, напирającego на нас и окружающего нашу главную позицию – нуменальное «Я», наше «Что» или что-бытие (глаза, смотрящие в темноту и сами себя не видящие). К этому описанию мы добавляем теперь определенную психологическую окраску, которую несет в себе что-бытие сущего (безличное облако сущего, или Обстоятельства) и наше собственное что-бытие (наше Лицо, суть, что мы есть на самом деле). Если сущее в нулевой позиции окрашено как СуперИд, главная по-

зиция окрашена как Эго, если облако сущего окрашено как Ид, главная позиция – наше Лицо – окрашена как СуперЭго, и т. д. В нулевой и главной позициях нам задано тем самым априорное отношение двух психологических уровней, характеризующих бытие сущего на входе и наше собственное бытие. Два психологических уровня поставлены в некоторое отношение, которое, однако, еще никак не способно разрешиться – не способно найти никакого выхода.

Можно сказать, что в априорной и ноуменальной позициях создан изначальный прецедент встречи – встречи двух различных эволютивных уровней. Наше Лицо на главной позиции, представляющее один уровень осознанности, встречается с Обстоятельствами нулевой позиции, представляющими другой уровень осознанности. Возникает некоторое «эволютивное противостояние» – отношение двух психологических красок, раскрывающееся как более острый или менее острый (в зависимости от конкретной пары) «конфликт» (не конфликт стихий и содержаний, но конфликт эволютивных статусов!). В случае первых двух пар (СуперИд – Эго и СуперЭго – Супер Ид), когда сущее на входе «просветлено» и из нулевой позиции нам в Лицо «бьет свет», отношение позиций можно считать позитивным, или практически бесконфликтным. В случае двух других пар (Эго – Ид и Ид – СуперЭго), напротив, отношение позиций «напряжено» в сторону негатива, налицо острый конфликт, поскольку наше «Я» окружено темной массой сущего – оно попадает в

беспросветные джунгли с их природно-звериным «законом джунглей».

Психологическое со-существование двух изначальных позиций как драма двух неподвижных что-событий разрешается экзистентным выносом в следующие две позиции, выявляющие наше присутствие или бытие-в-мире. По отношению к априорным, «вечным» эти позиции «фиктивны», однако именно они предоставляют место и возможность для нашей самореализации. Вторая позиция есть наш отклик на нулевую, это наше *делание, действие*, то, что мы *делаем* в связи с имеющимися в нуле Обстоятельствами. Под натиском Обстоятельств мы пытаемся реализовать свое ноуменальное «Я», «взвалить на плечи» собственное что-бытие и вынести первую позицию в третью, где мы можем со-поставить себя с сущим. Природа такого самореализационного выноса есть сопоставление – «как», как-бытие.

Мы узнаем о второй позиции, если вопрошаем, каким образом мы действуем, каким способом мы себя реализуем, ставим свой росчерк на сущем (в главной позиции мы никак не можем себя ни с чем со-поставить, мы, сами о себе не зная, неподвижно стоим, держим свое Лицо). Оперативная позиция, следовательно, есть бытие-как-синтез – это связующий мост между первой и третьей позициями, мост, дающий возможность себя представить, поставить перед Зеркалом, соединить себя с сущим и обнаружить себя в сущем. Оказываясь в третьей позиции, мы тем самым останавливаем про-

цесс, получая некоторый Результат. Мы попадаем в тупик, выставя сами себе препятствие – Зеркало. При этом мы совершенно не замечаем, оставляем без внимания то, как сущее «исходит» от нас, как мы же сами и формируем Обстоятельства. Круг позиций на самом деле замкнут, только мы этого фатально не понимаем! И это есть фактически наша смерть – умирание перед Зеркалом, в тупике.

Подобно нулевой и первой, вторая и третья позиции несут определенную психологическую окраску – она дополняет окраску априорных позиций. Так, если нулевая позиция окрашена как Эго, то второй позиции соответствует СуперЭго, если первая позиция окрашена как Ид, то третья – как СуперИд, и т. п. Более того, экзистенциально связанные позиции $0 \leftrightarrow 2$ и $1 \leftrightarrow 3$ всегда окрашены либо тоном «индивидуализма» (Эго – СуперЭго), либо «коллективными» тонами (Ид – СуперИд). Наша самореализация («делание себя»), или как-бытие, так же как и наше самопредставление, отражение (видение) себя в мире, бытие-кем-то, наделенные эволютивным статусом, приобретают таким образом психологический оттенок корысти или бескорыстия, вселенского или эгоистического события, – задача данной главы состоит в том, чтобы выявить и описать этот оттенок. При этом зоной особого (психиатрического) интереса является слабая позиция. Психопатология, зачастую возникающая на слабой позиции, обусловлена наличием тупика, размыкающего кольцо позиций и искажающего целостность процесса. Даже от-

крытые, осознанные функции, попадая в тупик на слабую позицию, выглядят патологически (по сравнению с тем, как те же функции выглядят на главной позиции в других Психотипах). В соответствии с психиатрической практикой мы выявляем четыре канонические патологии, характерные для четырех фундаментальных Психотипов.

Следует отметить, что, хотя мы, в целях исследования, изолируем и рассматриваем в теории каждую позицию по отдельности, на практике все четыре позиции представляют собой единый «букет». Позиционно-психо-логический паттерн не есть сумма отдельных «приклеенных» друг к другу величин – напротив, это сложенный, подчиненный определенной цели и направленный на определенный результат механизм, который мы называли фундаментальным Психотипом. Каждый из четырех фундаментальных Психотипов может быть наполнен четырьмя различными содержаниями – так, Ид на нулевой позиции может иметь содержание Эмпирики, Сенсорики, Чувства или Мышления. Поэтому фундаментальный Психотип объединяет четыре типа – по одному представителю от каждого Архетипа и от каждого Темперамента. Эти четыре типа, объединенные общей психоаналитикой, мы назовем психоаналитическими квадрами, или сокращенно – психоквадрами (Психотипами). Таким образом, описывая в этой главе психоаналитические квадры, мы даем обобщенные интерпретации, годные сразу для четырех типов.

Согласно эволютивному статусу главной позиции – Эго, СуперИд, Ид, СуперЭго – мы присвоим психоаналитическим квадрам общие имена – Особи, Персоны, Организации и Существа соответственно. Несмотря на трудности языка, которые мы вкратце обсудили выше и с которыми мы еще столкнемся в дальнейшем при описании психоаналитики квадранта, эти названия очень точно отражают сущность психологических типов и, при наличии определенного опыта, легко проецируются на конкретных людей. Возникает момент интуитивного узнавания в персонаже того или иного Психотипа по его поведению, манере себя держать, характерным повадкам, исходя из «упаковки» – названия Психотипа. Наконец, следует отметить наличие среди психоквадров дуальных пар – подобно тому, как в Архетипах мы установили дуальность по теневым функциям Крестоносцев и Фаустов, Бездельников и Язычников, в Психотипах мы имеем дуальность Особей и Существ, Персон и Организаций по принципу сдвига на две позиции – переноса априорных позиций в экзистенциальные (обмен *essentia* и *existentia*).

I. Особи

(0) *СуперИд*: Психотип Особи начинается событием самого высокого вселенского уровня на входе. Наличие некоторой сверх-осознанной функции в нулевой позиции означает, что мы помещены в Обстоятельства, имеющие царственный статус СуперИда. То, с чем мы сталкиваемся как с предшествующим нам, несет психологическую окраску чего-то наивысшего, идеального, совершенного, безупречного, непреклонного и не подвергаемого сомнению. Это Высший Закон, или Высший Порядок вселенского уровня, который был создан до нас и который обуславливает наше бытие. Даже если СуперИд у человека «серый», «фиктивный», если он фактически транслирует Ид, если он эволютивно незрелый и не раскрывает в полной мере собственное содержание, его психологическая окраска все равно соответствует статусу СуперИда. СуперИд в нуле гарантирует то, что при таких наилучших «начальных условиях» мы в целом заручены некоторым априорным согласием с сущим, мы примирены с сущим, словно мы были рождены в идеальнейшем из миров, помещены в космический миропорядок или встроены в самый совершенный строй. Это, в свою очередь, мотивирует нас беспрекословно принимать сущее, относиться к нему положительно, с благоговейной приязнью (правда, за исключением одного случая, который будет описан далее), не пыта-

ясь «оспорить» или подвергнуть сомнению то, что предшествует нам. «Космический миропорядок» СуперИда в нуле мы назовем условно *космогонией*, а соответствующее «вероисповедание» — *космогоническим*.

(1) *Эго*: нерушимый свод предустановленного вселенского закона встречается сильным *Эго*... *Эго* на главной позиции означает, что наше Лицо окрашено лично-корыстным мотивом, оно несет статус чего-то выделенного, отграниченного, обособленного. Отсюда происходит название квадры: *Особь*. Человек-Особь словно подчеркивает всем своим бытием, что он *самостоятелен*, самодостаточен, уверен в себе, что он живет из себя и для себя, не подпуская никого на близкое расстояние, что он «взрослый» и поэтому независимый, всегда являющийся собой, на себя опирающийся. *Эго* на главной позиции — самое «здоровое», природное, «аутентичное» *Эго*, поскольку попадает в позицию ноуменального «Я», что выглядит очень естественным: человек как бы «вставлен в себя», «един с собой», «монолитен», находится «на своем месте». Можно сказать, что само наше присутствие как таковое совпадает с интересами *Эго* — всегда быть чем-то изолированным, выделенным, самим-по-себе и самим-собой, всегда выпячиваться, торчать (присутствовать при нашей эгоистической сути), демонстрируя при этом свои жестко очерченные границы (и не имея ничего своего вне этих границ). Однако это «торчание» и «демонстрирование» не кажется чрезмерным или нарочитым — оно всегда знает

свою природную меру и никогда не превышает свои Природой установленные полномочия. Будучи на главной позиции, Эго «встречает» окружающее его космогонически окрашенное сущее, Высший Порядок – очевидно, что в его интересах принимать (позитивно и беспрекословно) и соответствовать этому порядку. Для Эго на главной позиции выгодно вписаться в предшествующий, уже существующий, словно каким-то вселенским демиургом, какой-то божественной рукой созданный порядок и полностью его признать как «начальное условие» своего бытия.

(2) *Ид*: коллективное бессознательное в оперативной позиции означает, что за нас действует Природа, нашими Руками движет инстинкт – мы реализуем себя «стихийно», словно это не мы сами, а ветер, вода или землетрясение ваяют наш профиль на дикой скале. В такой стихийной самореализации присутствует вся мощь уже созданного до нас и отточенного веками эволюции природного механизма – все делается «само собой». Феномен «делания ради делания», который здесь имеет место, на Востоке называется «До» – Путь. Есть путь воина, путь самурая, где термин «путь» понимается как способ жить. К этой же сфере принадлежит западное понятие «техники», берущее начало от греческого «технос». Мы говорим, например, «техника цапли», имея в виду подражание способу цапли жить – ходить на высоких тонких ногах и доставать длинным клювом корм из воды. Эго Особи, находящееся на своем естественном месте – на глав-

ной позиции, – есть своего рода упор, неподвижное торчание, возвышение, похожее на холм. Оно просто себя выделяет, наподобие холма, оно есть вздутие, приподнимание земли, и только стихия может вынести его, сдвинуть с места, заставить «выйти из себя». Это вручает себя стихии, отдает в Руки самой Природы, вследствие чего самореализация выглядит как чистое стихийное творчество, игра совершенного «ребенка».

Замечание: активный Ид на оперативной позиции может проявлять себя как не имеющая рационального объяснения чудесная способность к врачеванию, целительству – исцелению и диагностике «голыми Руками». Это тот случай, когда Природа неподвластным для нашего понимания образом «лечит» или «приводит в норму» себя же.

(3) *СуперЭго*: слабым звеном психоаналитической цепочки Особей оказывается *совесть*, попадающая на третью позицию. Иметь совесть на слабой позиции значит представлять себя человеком совести – отсюда берет начало феномен нарочитой «совестливости» как своего рода защиты совести. Особям важно вписаться в образ «культурного человека», в культурный шаблон (Кант: культурно-нравственный императив), выдвинуть некоторые человеческие, культурные ценности и защищать их, доходя в вопросах нравственности до некоторой щепетильности и даже болезненности (Ницше:

совесть как болезнь). Особи требуют от себя и от мира соответствовать некоторым критериям совести, морально-этическим нормам; они пытаются жить соответственно общественному мнению – жить с оглядкой на социум – и сопоставлять себя и свои поступки с общественно-социальными нормами («нормальность»). Слабое СуперЭго подавляет собственную инициативу, «родитель» подавляет «ребенка», вследствие чего накапливаются «энергии сдерживания» (потенциал, не имеющий выхода), приводящие к неврозам и депрессиям.

Замечание: Эго Особей изначально настолько твердое, что не нуждается в укреплении и заботе, оно не проявляет себя как (гипертрофированный, болезненный, аномальный) эгоизм или как нарочитое самоутверждение. Оно просто служит упором, тогда как вся озабоченность сосредоточена вокруг искажения социальных норм – СуперЭго выражает себя острой, болезненной реакцией на несправедливость. *Совесть*, таким образом, есть некоторая компенсация «идеальной» природной корысти («хищности») Особей – «человеческий» довесок, результат попадания «человеческого» содержания на слабую позицию. В совестливости Особей сокрыта некоторая слабость, ущербность, болезненность и ложность, что дало повод Ницше критиковать совесть как событие «слишком человеческое», как болезнь человека.

Резюме: учитывая первую и третью позиции, Особей можно было бы характеризовать в целом как «совестливых эгоистов». Обычно это серьезные и взвешенные люди, без лишней щедрости, знающие во всем меру. Эго, попадая на главную позицию и находясь тем самым «на своем месте» (совмещенность психоаналитического и ноуменального «Я»), производит впечатление естественности и монолитности, не расщепляя человека на реплики, версии и «вторые Я». Но самым ярким свойством Особей является, пожалуй, «нормальность». Особи «нормальные» по совокупности по крайней мере трех причин. Во-первых, потому, что их центральные позиции, которые мы наблюдаем со стороны, – первая и вторая – закрыты, они находятся на уровне природного естества – природной нормы. Если абстрагироваться от третьей позиции, то мы видим фактически «животное», безукоризненно вписавшееся в законы мироздания. Особи «нормальные», во-вторых, потому, что слабое СуперЭго требует от них отвечать общественно-социальным нормам, жить с оглядкой на социум, чтить мирообразующие человеческие ценности, нести образ культурного человека – человека традиции. Особи «зажаты» между двумя порядками – вселенским на входе (Высший Закон, Ветхий Завет) и человеческим (социальным) на выходе. Они «законсервированы» с двух сторон, поэтому по своему Психотипу они «консерваторы». И в-третьих, Особи «нормальны», поскольку их по-

тенциальная «Придурь» (СуперИд) вынесена в ноль и тем самым «нейтрализована» («обезврежена»). Наконец, еще одной характерной особенностью этого Психотипа является «центризм». Под «центристами» мы понимаем людей, всегда осознающих центр как нечто себе иное, дистанцированное. «Центристы» сами никогда не находятся в центре, они всегда на периферии и поэтому всегда соотносят свою жизнь с понятием центра («Рима»). Слабое СуперЭго создает рейтинг причастности человека к центру, измеряя дистанцию до центра и выстраивая мир в соответствии с «центристской» моделью.

II. Персоны

(0) *СуперЭго*: уровню СуперЭго отвечает статус «родителя», несущего человеческие ценности. При этом СуперЭго в нулевой позиции отражает тот факт, что сущее, нас окружающее и данное нам на входе, психологически окрашено в тона культурно-человеческого социума, оно «воспитано», «одухотворено», соразмерно человеку. Такие «начальные условия» максимально удобны и комфортны для жизни. Покуда Обстоятельства «человечны», с ними можно как-то «договориться», на них можно как-то «влиять», можно «решить любой вопрос» политическими средствами – такое впечатление создает СуперЭго в нуле. Нам изначально дано «родительское» покровительство – некоторый Царь-Отец или Берегиня-Мать, некоторая вездесущая мировая Совесть встречает нас на входе, суля возможность милости и прощения, возможность сделки с совестью-покровителем. Подобные Обстоятельства напоминают монархический строй или Олимп с его антропоморфными богами, поэтому мы назовем соответствующее «вероисповедание» *мифологическим*. Заметим, что мифологическое «вероисповедание» радикально отличается от космогонического – вселенский Закон (приливы, отливы, гравитация и т. п.) всегда «больше» богов (боги сами под этот закон подпадают), он в одинаковой мере «безжалостен» как по отношению к богам, так и по отноше-

нию к людям.

Замечание: строго говоря, совесть как некоторое аутентичное психологическое событие присутствует только в Психотипе Особей (где это понятие, вероятно, рождается и актуализируется для всего социума). Персонам совесть дана как «внешнее», хоть для них тоже очень актуальное событие. То, что обычно понимается под совестью, есть результат попадания «серого» СуперЭго на социальную или общественную (нулевую и третью) позиции – в коллективном модусе СуперЭго становится своего рода ответственностью «Я» перед «Множеством» (общественной моралью, справедливостью). В других Психоквадрах понятие совести должно быть взято в кавычки, оно применимо к СуперЭго лишь ассоциативно (в качестве заимствованной метафоры). Полноценная «белая» совесть, как эволютивная версия «серой» совести», предполагает, возможно, разворот внимания к себе, предъявление претензий себе, ответственность перед самим собой (а не наложение некоторых требований «справедливости» или «морали» на множество и не соотнесение себя с «общественными нормами»). Такое понятие совести должно быть изначально ближе остальным двум Психотипам (с СуперЭго на главной и оперативной позициях).

(1) *СуперИд*': благодаря СуперИду главная позиция приобретает царственный статус – наше Лицо несет психоло-

гическую окраску чего-то наивысшего, самого совершенно-го, сверхосознанного. Удивительно, но этот статус имеет силу, даже если СуперИд «пуст» или «фиктивен» (феномен «Жлобства», «Утопии» или «Придури»), что выглядит весьма нелепо – пафос, который гордо несет в себе человек (сам того не замечая), неадекватен его фактическому наполнению и содержанию. Лицо не обеспечено, не подкреплено «золотым запасом» и поэтому оказывается голой психологической фикцией, отражающей наличие некоторого потенциального Шанса, запроса на самую высокую планку (о чем его владелец, конечно, не догадывается и знать не может). Человек словно переносит себя в образ какого-то Божества, Царя, Фараона, перенимает манеры, *персонифицирует* себя, берет напрокат дорогой театральный костюм, царские одежды и носит их как свои собственные, срастаясь с ними до полной идентичности, будто бы всем своим видом заявляя: «Я – Величина! Я – Идеал! Я – Царь! Я – Бог!...» Отсюда происходит название Психотипа – *Персона*. Юнг понимал под персонификацией событие нашего отождествления с некоторым архетипом: быть персоной значит, не ведая о том, быть одним из вселенских архетипов («маской»), то есть приспособить на место Лица архетипическую маску и, ничего не подозревая о такой подмене, выдавать за собственную.

Вспомним теперь, что главная позиция Персоны окружена кольцом «одухотворенного» сущего, которое в общем-то ей чужеродно по статусу и содержанию, но не враждебно в

силу своей «гуманистичности» – это человеческо-культурный слой эволютивно высокого, надприродного уровня, над которым возвышается СуперИд. Персона всегда держит свое Лицо еще выше, чем это белое облако сущего. Персона всем своим видом показывает, что его Лицо находится *над* облаком, в неизмеримой высоте, откуда оно снисходит. Отсюда берется та оптимистическая уверенность в себе, то чувство собственного достоинства и превосходства, то снисходительное отношение, которое несет в себе Персона. Персона легко узнается по характерной позе величия, по статусу Духовного Учителя, присущему СуперИду, по мажорной приподнятости Лица, по «Придури» СуперИда, вознесенной в архиерейский сан.

Замечание: в дальнейшем мы насколько возможно уточним связку СуперЭго – СуперИд в Психотипе Персон; к данному выше описанию следует относиться как к первому наброску – попытке задать некоторый тон психологической окраски.

(2) *Эго*: статус Эго в оперативной позиции указывает на то, что всякая деятельность и делание как таковое несут отблеск личной корысти. На вопрос «каким образом человек, действуя, выносит себя в мир?» следует ответить: корыстно, исходя из личной выгоды, эгоистически. Под личной выгодой при этом понимается не какая-то прибыль вообще,

но конкретно то, что может прославить, расширить и укрепить Эго. У Особей Эго просто *стоит* на главной позиции, оно *есть*, и всё тут (и только в таком виде Эго, собственно, есть настоящее, каноническое Эго, относительно которого все остальные формы Эго следует рассматривать как некоторые «версии»). У Персон, напротив, Эго трудится, оно выходит каждый день на работу, оно брошено в бой, оно должно все время что-то отстаивать, доказывать, узурпировать, как-то маневрировать, кого-то ангажировать... В течение всей жизни оно воздвигает себе памятник. Это корыстная реализация, эгоистическое делание. Очень важным обстоятельством является то, что Культура уже априори «состоялась», она подана на входе, в нулевой позиции, сущее изначально «одухотворено», СуперИд на главной позиции всем доволен, он есть высшая точка, апогей, царь Вселенной. Острого конфликта между двумя изначальноми позициями нет – что же еще остается Персоне *делать*, как не «эгоистически» оставлять свое имя на сущем, *подписываться*, ставить всюду свою печать?!

Здесь можно говорить о творчестве как о некотором «плагиате», – поскольку вся Культура находится в априорной позиции, она *уже* дана, и поэтому Персона принципиально не способна породить никакое новое культурное событие. Она может только брать уже готовое и ставить на нем свою подпись. Но тем не менее не стоит и принижать значимость этого деяния. Эта подпись – не просто присваивание себе неко-

торого культурного явления, она это явление обновляет, вводит в контекст настоящего времени, набрасывает на него покрывало личности и делает его таким образом уникальным.

Принцип, *как* Эго ставит свой росчерк на сущем, есть принцип помечания территории, или принцип *автографа*. нужно поставить свой росчерк так, чтобы выделиться («тут был Я»). Ссылаясь на известное выражение русского языка, можно сказать, что на второй позиции Персона «делает себе имя», добиваясь признания. Такая склонность, наиболее характерная именно для Персон, есть забота о психологическом комфорте, возникающем вследствие соответствия самопредставления и общественного мнения. Если у Особей мы осмыслили оперативную позицию как Путь, то у Персон это «образ жизни», заявляющий: «Я такой! Выдающийся! Отличный от других! Не как все!» Поэтому не удивительно, что самые яркие личности – это обычно Персоны. Проходя по миру, Персоны окрашивают все в свои тона, заимствуют напропалую и выдают чужое как свое (на более высоких ступенях эволюции это заимствование выглядит «импровизацией на чужую тему»). Назвать своим именем фонд, учредить свою премию, спонсировать строительство общественной библиотеки и прикрепить у дверей мраморную табличку со своим именем – типичные поступки Персон.

(3) *Ид*: последним, слабым звеном в цепочке позиций у Персон оказывается ранимый, капризный, стихийный и непредсказуемый «ребенок» – Ид. Архетипическая персони-

фикация оборачивается шизофреническим обезличиванием – разбрасыванием себя во множестве образов, отражений в Зеркале (Я – Наполеон, Я – Ленин, Я – Геркулес). Иметь Ид на третьей позиции – значит быть уполномоченным представителем коллективных модусов бессознательного (поток, процессов, эгрегоров, вулканов). Это значит представлять себя некоторой безличной силой, инстинктом, стихией – дланью возмездия, мечом справедливости, голосом вопиющего в пустыне... Вместо архетипов в сознание встраиваются природные стереотипы, провоцирующие различные природные слабости и пороки. Духовные Учителя, несущие свой царственный статус на главной позиции, перед Зеркалом вдруг охватываются какими-то страстями и начинают страдать от самых низких природных влечений – зависти, ревности, похоти, обидчивости, властолюбия (вспомните пример Ошо)... Они подчас ведут себя как «ребенок», у которого могут отобрать игрушку и которого нужно постоянно хвалить. Это есть не что иное, как «защита» слабого Ида – природных территорий и примитивных инстинктов. Сюда же можно отнести и механизм защиты авторских прав – он тоже придуман Персонами. Мир далеко не всегда замечает печать, которую Персона ставит во второй позиции, – мир не видит и не хочет признавать, что эта печать – личная, что это дело чьих-то определенных Рук. Значит, такая печать фиктивна, и поэтому ее нужно защищать. Защита слабого Ида часто доходит до патологий. Придумывать обиды

и относиться к ним как к реальным – так устроен типичный патологический механизм защиты. Персонам будто бы нужно специально обижаться для того, чтобы защищать свою Персону. Разумеется, при такой патологической ранимости и при таком чувстве собственного достоинства, как у Персон, Персону ничего не стоит обидеть – это самый обидчивый из всех Психотипов.

Резюме: в психоаналитическом паттерне Персон мы видим светлое, оптимистическое начало и темный конец. На входе, в изначальных позициях – открытость и осознанность, но при сдвиге позиций, по мере интеграции себя в сущем нисходит тьма и наступает непроглядная ночь. Такая ситуация чем-то напоминает сошествие в Аид – экзистирруя, Персоны буквально опускаются до уровня «животного» (выражаясь метафорически, «метут мир черной метлой», активно «толкаются локтями» и «тащат одеяло на себя»).

В отличие от Особей-центристов, Персоны всегда уже находятся в центре, они *ab Initio et ab definitio* (изначально и по определению) – «самые-самые». Персоны, по своему (высокопреосвященному) статусу СуперИда в главной позиции, непременно должны быть *выше* любых Обстоятельств, и вся их «психическая возня» возникает тогда, когда это у них по тем или иным причинам не получается, ведь архетипическая «маска» – не Эго, она не способна, как у Особей, быть оплотом и опорой всей конфигурации, «маска» подчас не несет ничего, кроме Достоинства себя.

Тот факт, что Эго Персон смещено из главной позиции, имеет решающее значение для формирования Психотипа. Оперативное, действующее Эго – все еще силовое Эго, но тем не менее его «отсутствие» в главной позиции создает эффект «запаздывания» или «психологической нехватки» Эго. Эго у Персон становится чем-то вроде «рабочей лошадки» при захватившем трон призрачном «пришельце» – СуперИде, прикрывающем себя (или свою фикцию) «маской».

Причем «маска» у Персон может быть далеко не единственной. Разнообразные «маски» не только не уживаются друг с другом, но порой активно друг другу противостоят, пытаясь разобраться, кто сейчас должен быть «у руля». Все это рождает своего рода «смутность» и «неоднозначность», условную «раздвоенность» Персон (которая выльется в шизофрению на третьей позиции в крайнем, патологическом случае). Поскольку на сущее в нулевой позиции наброшена белая, «положительная» окраска СуперЭго, «претензий» к нему быть не может – внутренний «конфликт масок» разгорается на фоне полного оправдания априорных Обстоятельств (которые уже были «перед нами»). Поэтому возникает безотчетное ощущение именно *себя* как причины и источника происходящего с нами и вокруг нас. Думать одно, говорить другое, а делать совершенно третье, при этом отдавать себе в этом отчет и не всегда понимать, зачем мы так поступаем, – это также вытекающая из «многоцарствия» характерная черта Психотипа Персон.

Специфика раздвоенности Персон заключается еще и в том, что у них третья позиция, заполненная коллективным событием, очень похожа по своему характеру на нулевую позицию как таковую. Слабый Ид есть нечто, что ими владеет... Получается, что Персоны как бы находятся между двумя ими владеющих явлений – с одной стороны, это то общее (общественное), откуда все вообще приходит, а с другой – это коллективное... Персоны живут между общественным и коллективным, блюдя свой личный интерес, но при этом беспардонно делая вид, что он вписывается в большое общечеловеческое делание...

Замечание: формально Внимание и Сознание являются независимыми измерениями нашей трех-параметрической модели. Однако мы не можем не принять как факт наличие корреляции между Эго и главной позицией. Мы не можем не признать, что Эго на главной позиции не только выглядит наиболее естественно, словно «на своем месте», но и вообще является «эталонным» Эго... Подобная корреляция имеется между Эго и Эмпирикой в Архетипе Крестоносца – понятие «личности» наиболее органично совмещается с понятием Эго. Причем за всеми тремя инстанциями (главная позиция, Эго, Черная Эмпирика) стоит некоторая категория «Я». По мере того как Эго «отстраняется» от главной позиции, возникает эффект поляризации двух центров – главной позиции и Эго («раздвоение» двух «Я»), между которыми об-

разуется «коридор внимания». Во вторую, третью и четвертую (то есть нулевую) позицию выдвигается своеобразный Фантом – Эго, «отлученное» от своей «законной» главной позиции. Выставлять Эго впереди себя как щит и «прятаться» за своим Эго есть важный для понимания психологии человека феномен, который мы опишем для всех Психотипов.

III. Существа

(0) *Ид*: предшествующее нам в нулевой позиции событие в своей психологической окраске уподоблено бессознательной и безжалостной вселенской стихии, коллективной программе, инстинктам Природы. Могущественные и беспощадные «темные» Силы, капризные, как «ребенок», которые нельзя понять, с которыми нельзя договориться, которые готовы стереть с лица земли все личное, всякое Эго, нагнетают атмосферу анархии первых дней Творения (Начала). Балом правят ненасытные божества – властелины сущего, понимающие только язык жертвоприношений. Это клочущие вулканы, алчущие в любой момент извергнуться и засыпать все живое пеплом, ураганные ветра и смерчи, способные ни с того ни с сего налететь и опрокинуть любой «Титаник», Бермудские треугольники, эпидемии, случайности, непредсказуемые катастрофы. Дыхание стихий передает состояние ненадежности, беспокойства – все может рухнуть в любой момент. Какая-нибудь шальная и враждебная комета может влететь в земной шар и снести его с орбиты. Дикая орда, незаметно скапливающаяся за горизонтом, может ворваться в каждый миг и сжечь город. Вообще, обступающая со всех сторон пучина бытия жаждет поглотить все сотворенное; крошечная тьма стремится накрыть и вобрать всякий свет. Жизнь в таких условиях обречена носить характер

прихоти «пира во время чумы».

(1) *СуперЭго*: ввиду того, что нулевая позиция имеет статус Ида, мы находим главную позицию в окружении плотного кольца инстинктов. Сущее как агрессивная масса обступает главную позицию и нападает со всех сторон, встречая острое сопротивление культурно-человеческого уровня (*СуперЭго*). Возникает психологический конфликт «родителя» и «ребенка» – «родитель» сдерживает натиск «ребенка», останавливая и блокируя стихию, отгораживаясь от стихии своего рода защитным валом (в этом плане мы имеем единственный из всех Психотип «Бездетных», кто решился раз и навсегда выставить своего «ребенка» за дверь и никогда не впускать – попробуйте, например, предложить Персоне то, что Бог предложил Аврааму, – убить своего ребенка – ни за что не согласится, защищать будет изо всех сил, ведь Персоны – самые «защитники детей»). Исходя из такого соотношения изначальных позиций, мы имеем Психотип, сущность которого заключается в принципе (двойной) *защиты* — не только защиты слабой позиции, но защиты вообще как глобальной стратегии бытия. Конфликт Ида и *СуперЭго* можно интерпретировать как противостояние: «Культура против Природы», или «Человек против Природы» – Культура попадает в осаду стихий и держит оборону, «отрезая» человека от «земли» с ее инстинктами. В качестве ноуменального «Я» выставляется альтернативное Эго – *СуперЭго*; Лицо человека тем самым обретается в слое Культуры и ее ценно-

стей. Культура на главной позиции несет в себе идею убежища или «норки», где можно спрятаться от бесчинств Ида, — отсюда происходит название данного Психотипа: *Существа*, то есть те, кто скрывается в «норе», защищается от стихий, баррикадируется, живет под защитой оборонительного вала. Заметим, что в отличие от Особей, у которых совесть расположена на слабой позиции, у Существ мы имеем совесть как их собственное главное событие, что можно выразить следующим тезисом: «Я есмь совесть».

(2) *СуперИд*: что такое коллективное сверхсознательное — Высший Закон — как сказуемое, действие, самореализация? Каким образом мы выявляем себя в сущем через СуперИд, и каким образом СуперИд являет себя в оперативной позиции? Мы можем обозначить этот феномен словом *Священнодействие* или *Культ*. Культ возникает как реакция на беспредел Ида. В нулевой позиции мы имеем разгул стихий, кольцо инстинктов, в ответ на это наши Руки совершают идеальные, осознанные движения, исполняя некоторый божественный Культ. Можно сказать, таким образом, что Культура, как оппозиция стихии, реализуется через Культ. При этом упор делается на совершенство исполнения Культа, на жреческий статус самого делания, служения (священнодействия). Существа словно всем своим бытием хотят посредством Культа и культовых действий оставить на сущем ро-счерк какого-то Высшего Знания, оттиснуть какой-то таинственный вселенский иероглиф.

Ввиду такого культового характера «делания» представители Психотипа Существ производят странное впечатление. «Странность» самореализации через Культ можно противопоставить «организованной» Культуре (Супер-Эго в оперативной позиции) – Существа словно ходят в свою личную церковь, где тайно общаются с их личным богом. За «сумасбродством» Кulta при этом всегда скрывается таинственная территория личной жизни, «норка», в которой прячут себя от стихий Существа-Отшельники. Даже в общественном храме или культивируемом в социуме ремесле Существа сразу вычисляются по их манере держаться, скрывая за собой эту «личную территорию», где действует свой устав, свой кодекс, свой алтарь. Они выглядят как жрецы какого-то тайного кulta, преследующие свои тщательно скрываемые цели (один из наиболее ярких примеров – Парфюмер у Зюскинда – тайный жрец кulta запахов, кulta Сенсорики, а не просто бескорыстный «ремесленник» из Организации и не корыстный магнат парфюмерии из Персон, жаждущий славы или наживы). Отметим в заключение, что если оперативная позиция у Существ никак не «канонизирована», то она может проявлять себя достаточно брутально, агрессивно и безапелляционно, как ложная демонстрация силы и превосходства.

(3) Эго: слабое Эго есть «самовозведенное» и «самопровозглашенное» Эго: безличные стихии нулевой позиции блокируются культурно-человеческим и вселенским уровнями,

а в качестве компенсации на выходе порождается Эго – конечный результат психического процесса и плод самокультивации. Такое Эго всегда «дутое», «игрушечное» – оно «делается», «надувается», выращивается искусственно и впоследствии защищается как собственное (фиктивное и хрупкое) произведение. Существа видят свое Эго в Зеркале и *сами* представляют себя (по образу и подобию Эго) чем-то выделенным, выдающимся, отдельно стоящим; они самовозвеличиваются, нарочито «выпячивают» себя, желая быть больше, значительнее, доходя в своем усердии до болезненных метастазов снобизма. На первой и второй позициях, в самой сердцевине, откуда бьет свет, в Существах нам дано воистину чистое, святое, *божествующее*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.